

*Памелле Стриклер
и Жану Де Вризу с любовью.
Вы понимаете людей
почти так, как и я...*

Пролог

— **К**ак это, черт возьми, она не сможет больше иметь детей? — возмутился Дубхдара О'Малли, обращаясь к брату. Глава клана О'Малли был крупным мужчиной шести футов ростом, руки и ноги которого напоминали толстые ветви дерева, со смуглым загорелым лицом, цепкими глазами и копной черных, чуть тронутых сединой волос. — Ведь вы, священники, вечно твердите, что цель брака — продолжение рода. Я поступал согласно воле церкви: у меня есть от нее дети, но не осталось в живых ни одного сына! И теперь ты заявляешь, чтобы я остановился на этом. Я вовсе не уверен, что ты сможешь добиться расторжения моего брака, чтобы я смог жениться на молодой здоровой женщине со свежей кровью. Тьфу! Да меня просто от тебя тошнит!

Отец Симус О'Малли, выглядевший почти как близнец Дубхдары, но не такой смуглый, смотрел на брата с сочувствием и пониманием. Он переживал за него, но был не в состоянии помочь — жена Дубхдары больше не могла беременеть. Повивальная бабка была в этом абсолютно уверена. Ребенок отнимет жизнь леди О'Малли, и это окажется просто убийством.

Священник тяжело вздохнул:

— Вы женились десять лет назад, и за это время Пегги десять раз была на сносях. Три раза у нее был выкидыш, а последние роды чуть не убили ее.

Гримаса боли и горечи исказила загорелое лицо О'Малли.

— Да, — ответил он, — трижды она выкидывала, и все это были мальчики. А единственный сын, которо-

го она смогла родить, едва дожид до крещения, упокой Господь его душу. Ну и с чем же я остался? С девчонками! С шестью девчонками! Пять из которых на лицо такие же простушки, как и их мать. Проклятье! Я думал, что на этот раз...

Он сердито расхаживал по комнате, нимало не считаясь с тем, что его слова могут быть услышаны полумертвой, плачущей от жестокого разочарования женщиной, лежащей тут же. Как она молилась о сыне! Постилась, раздавала милостыню бедным. И каков же результат ее благочестия? Еще одна девочка и сознание, что теперь она никогда уже не сможет рожать и принести мужу сына.

Не обращая на нее внимания, Дубхдара закипал все больше и больше:

— Ну почему, Симус, она не может родить мне сына? Почему? По всей округе у меня полно здоровых дочерей и сыновей, а моя собственная жена приносит одних дочерей. Хоть бы уж Бог сделал так, чтобы она умерла и дочь вместе с ней!

— Да простит тебя Господь, Дубхдара! — вскричал Симус О'Малли, пораженный до глубины души.

Брат пожал плечами:

— По крайней мере, я мог бы начать все сначала. Но подожди, Симус. Увидишь, она еще меня переживет! Ну нет, я не остановлюсь. Мне нужен законный сын! Нужен!

— Если Пегги забеременеет и умрет, я настою, чтобы церковь прокляла тебя, Дубх. Я еще раз говорю — еще один ребенок убьет твою жену. Акушерка сказала, что она почти истекла кровью. Но малютка, слава богу, здорова и достаточно крепка.

Брат насмешливо ухмыльнулся.

— Каким именем мы окрестим ее? — продолжал священник.

О'Малли минуту подумал:

— Назовем ее Скай, — ответил он. — Это место, откуда произошла ее мать. А крестной будет старшая сестра Муар.

— Но нужен и крестный отец.

— Ты и будешь ее крестным отцом, Симус. Шесть дочерей — это уж слишком, чтобы каждую снабдить приданым, и Скай О'Малли я отдаю церкви: церковь требует меньше. И вполне разумно, чтобы крестным отцом будущей монахини был священник.

Удовлетворенный, Симус О'Малли кивнул. Давно пора одну из дочерей брата отдать церкви. И только теперь он внимательно взглянул на маленькую племянницу и тут же понял, что эту дочь брат не отошлет в монастырь. Пять ее старших сестер, как и заметил Дубх, не отличались красотой. Тусклыми

коричневатыми волосами и белесыми серыми глазами они напоминали воробьев.

А эта дочь походила на райскую птицу. Ее кожа была чистой, как жасмин, глаза — ярко-голубые, как озера в Керри*, а на голке курчавились черные, как у отца, волосы.

— Нет, Скай, — прошептал про себя Симус О'Малли, — ты не предназначена для монастыря!

Он улыбнулся ребенку. Если девочка оправдает ожидания, ее красота не оставит равнодушным какого-нибудь могущественного человека. А церковь с радостью примет одну из дурнушек О'Малли.

На следующий день Скай О'Малли крестили в домашней часовне. Мать, все еще слабая после родов, не смогла присутствовать, зато там были все ее пять старших дочерей. Старшая среди девочек десятилетняя Муар стала крестной матерью новорожденной. С обожанием глядели на сестру девятилетняя Пегги, семилетняя Брайд, четырехгодовалая Эйбхлин и полуторагодовалая Сайна.

Когда Симус О'Малли лил святую воду на голову новорожденной, Скай не закричала, как того требует поверье, гласящее, что с криком из ребенка исходит дьявол, но вместо этого, к ужасу присутствующих, издала звук, очень похожий на хихиканье. И тут Дубхдара О'Малли впервые с интересом взглянул на младшую дочь.

— Ты не боишься воды? — усмехнулся он. — Что ж, она настоящая О'Малли. Быть может, я и не отдам тебя церкви, Скай. Что скажешь на это, брат Симус?

Священник улыбнулся в ответ:

— Думаю, не отдашь. Может быть, больше подойдет другая, в ком пробудится истинное призвание. Время покажет, Дубх. Время покажет.

О'Малли принял у брата дочь и взял на руки. Поразительно сияющими глазами, черными волосами до плеч и густой черной бородой он удивительно напоминал пирата. И впрямь, его похождения на море мало отличались от пиратства. Но суровая внешность отца не напугала дочь. Девочка что-то довольно проворковала, потом закрыла глаза и уснула.

Все так же держа дочь на руках, О'Малли вышел из часовни, а за ним брат и пять девочек. Связь между отцом и дочерью была установлена. И когда у Пегги не пошло молоко, он сам подобрал кормилицу — пышущую здоровьем привлекательную деревен-

* Керри — графство в Ирландии.

скую девушку, чей незаконный ребенок запутался в пуповине и задохнулся, так и не увидев белого света.

Через полгода Дубхдара О'Малли отправился в море и покинул Ирландию на несколько месяцев. К ярости брата-священника, он взял с собой младенца и ее кормилицу Мегги.

— Ты позоришь семью, Дубхдара! — кричал Симус. — Что люди скажут о Мегги? Даже если это и не так уж и важно, ты ведь подвергаешь ребенка опасности! Я не позволю причинить вред Скай! — ревел любящий дядя.

— Угомонись, Симус, — рассмеялся О'Малли. — Никаким опасностям я не подвергаю Скай. Как-то она уже весь день плавала со мной, и ей нравится мой корабль. Что же до Мегги, то опасность для Скай как раз в том, что я не возьму ее с собой. Ее молоко для девочки лучше козьего, а другого для нее я найти не смогу.

— И ты станешь отрицать, что будешь крутить с Мегги любовь?

— Не стану. Ты же знаешь, я люблю жить со всеми удобствами.

Священник в отчаянии воздел руки к небу. С братом он ничего поделать не мог — Дубх был одним из самых чувственных мужчин, каких он только знал. Одно было хорошо: в ближайшее время Пегги, наконец, сможет отдохнуть от неумных ласк мужа.

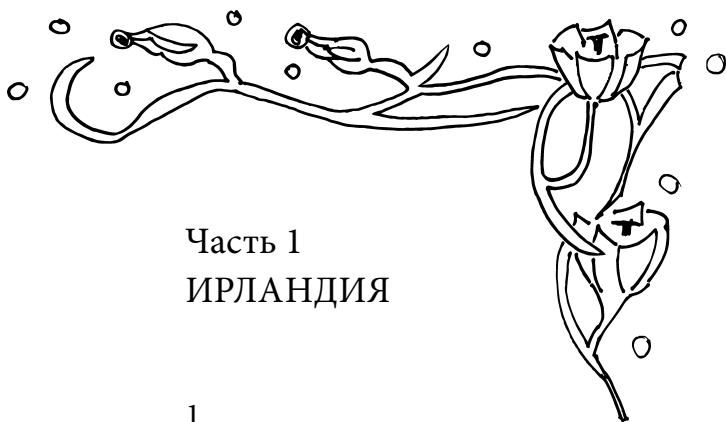
Летом 1541 года О'Малли из Иннисфаны отплыл в западные моря из своего замка на острове Иннисфана. Это плавание стало первым из многих последующих путешествий Скай. Свои первые шаги она сделала по уходящей из-под ног палубе отцовского корабля, ее маленькие детские зубки оставили отметины на корабельном штурвале. И в то время, как кормилица Мегги, лежа на койке, страдала от морской болезни и молила бога о том, чтобы они не утонули, Скай О'Малли хлопала пухлыми ручонками и смеялась, ничуть не боясь больших волн.

Ребенок становился девочкой, девочка — девушкой. Дубхдара О'Малли был полновластным хозяином морей вокруг Ирландии. У него было много кораблей и сотни людей, подчинявшихся только ему. Вскоре дочь стала его признанной наследницей и любимицей грубых моряков. Они баловали и портили ее. Девочка почти не знала и не имела ни времени, ни терпения вести такую глупую жизнь, как вели ее сестры.

Весной 1551 года мать Скай умерла. Вскоре дядя Симус настоял на том, чтобы девушка осталась на берегу и стала учиться вести хозяйство. Мужу будет нужно, чтобы она

умела готовить еду, шить, ткать полотно, а не управлять кораблем в тумане. О'Малли нехотя согласился и отослал Скай на Иннисфану.

Скай совсем не понравилось, что ее оторвали от любимого моря. С первого же дня ее пребывания в доме жизнь старших сестер стала невыносимой. Вскоре Скай поняла, что Дубхдара О'Малли не отступит от принятого решения, и ей придется научиться искусству быть женщиной. Девушка преуспела в этом, и, когда выдавали замуж Сайну, следующую по старшинству сестру, она все знала и умела. Но хотя Скай умела теперь вести хозяйство и научилась хорошим манерам, характер у нее остался прежним — необузданным и строптивым. О нет, послушным был кто угодно, но только не Скай О'Малли!

Часть 1 ИРЛАНДИЯ

1

Шел 1555 год. Стоял великолепный летний день. Под бездонным сияющим голубым небом раскинулись зеленые утесы острова Иннисфана и устье бухты О'Малли. Держалась «английская» погода, как называли ее жители-ирландцы, — единственно английское, что вызывало их одобрение. Дул легкий бриз, и в небе над головами взмывали вверх и падали к воде чайки и крачки — их неистовые крики спорили с грохотом прибоя.

Вдали на горизонте возвышался замок О'Малли — башни и стены из серого дикого камня. Он царил над округой, а из каждого окна открывался вид на море. Вокруг шел широкий ров, а над ним — вот уж неожиданность — розарий, посаженный покойной женой О'Малли. После ее смерти за садом ухаживала новая госпожа О'Малли. Теперь в пору цветения в нем буйствовали желтые, розовые, красные и белые цвета — превосходная декорация для свадьбы младшей дочери хозяина замка.

В главном зале дома старшие сестры Скай судачили со своей симпатичной мачехой, вышивая невесте приданое. Давно они уже не собирались вместе — каждая имела свой дом, и встречались сестры только по особым случаям.

Они остались такими же похожими друг на друга, как в детстве. Среднего роста, упитанные, с пышными формами, они были созданы, чтобы согреть холодными ночами мужчин. У всех была светлая кожа, щеки цвета персика и длинные прямые светло-каштановые волосы. Ни одну из них нельзя было назвать красивой, но и уродиной тоже.

Старшей, Муар, было двадцать пять, и уже двенадцать лет она была замужем, родила девятерых детей, из них семь сыновей. Отец любил ее. Двадцатитрехлетняя Пегги за десятилетнюю замужнюю жизнь стала матерью девятерых сыновей, и отец любил ее даже больше, чем Муар. Брайд, двадцати одного года, за восьмилетнее замужество родила лишь четверых и только двух сыновей. Поэтому Дубхдара ее только терпел и постоянно поощрял к большей плодовитости.

— Ты больше, чем другие, похожа на мать, — то и дело мстительно повторял он дочери.

Восемнадцатилетняя Эйбхлин, единственная в семье, хотела посвятить себя Богу, но была настолько тиха, что о ее благочестии так никто и не догадался бы, если бы ее суженый не погиб от кори, когда девочке исполнилось двенадцать. В то время, как О'Малли раздумывал, кем бы заменить жениха для своей четвертой дочери, Эйбхлин попросила разрешения уйти в монастырь. Она и впрямь стремилась к подобной жизни. И поскольку при разговоре присутствовал дядя Симус, Дубхдара О'Малли был вынужден согласиться. В тринадцать лет девочка ушла в монастырь, а совсем недавно дала последние обеты.

Сайне О'Малли Батлер исполнилось шестнадцать. Уже три года как она была замужем, родила сына и, хотя теперь была на восьмом месяце, не пожелала пропустить свадьбу Скай.

Замужние сестры носили длинные шелковые платья простого покроя с глубоким вырезом и рукавами колоколом. Муар оделась в сочное темно-синее, Пегги — красное, Брайд — фиолетовое, Сайна — золотисто-желтое. Платья у всех сестер были украшены изящными кружевами.

Темным пятном выделялась лишь Эйбхлин. Ее черный с головы до пят балахон оживлял только белый квадратный накрахмаленный нагрудник, в центре которого располагалось черного дерева, отделанное серебром распятие. Выше пояса монахиня носила плетеный шнурок, концы которого ниспадали на подол. На одном из них было три узла, что символизировало Святую Троицу, на другом такие же три узла обозначали бедность, непорочность и послушание. Как будто для контраста сестры повязали вокруг пояса золотые и серебряные цепочки, прикрепив к ним четки, коробочку для иголок, зеркала или просто связку ключей.

Во главе собрания восседала вторая жена Дубхдары О'Малли — Анна, ровесница своей падчерицы Эйбхлин и, как ее другая падчерица Сайна, беременная четвертым ребенком. Анна была привлекательной женщиной с каштановыми

вьющимися волосами и живыми карими глазами. Ее любили за доброту и отзывчивость. На ее плотной фигуре ловко сидело бордовое платье, а на груди красовалась двойная нитка белоснежных жемчужин. Никто из дочерей О'Малли не возмущился второй женитьбой отца, все они любили Анну, да ее и нельзя было не любить.

Девять лет после рождения Скай Дубхдара О'Малли следовал советам брата и не трогал жену. Он совсем не хотел послужить причиной смерти Пегги. Жена оправилась, поздоровела и даже расцвела. Однажды вечером Дубхдара вернулся из длительной поездки. Было поздно, постоянной любовницы он не имел, а поблизости не оказалось ни одной служанки. Он напился и полез к жене в кровать. Через девять месяцев Пегги О'Малли умерла, родив долгожданного сына, который появился на свет 29 сентября и был наречен Михаилом. Теперь мальчику было без малого шесть лет.

Прошло неприлично мало времени, и О'Малли взял себе вторую жену — девочку тринадцати лет. Через девять месяцев после свадьбы Анна родила Брайана, год спустя — Шейна, а еще через год — Шеймуса. В отличие от предшественницы Анна О'Малли обладала крепким здоровьем и сильным духом. Ребенок, которого она вынашивала, должен стать последним, твердо заявила она мужу. Снова родится мальчик, заверила она супруга. Пять сыновей принесут ему бессмертие, которого он так жаждал.

О'Малли рассмеялся и шлепнул жену по спине. Его игривый жест дочери приняли за проявление старческого слабоумия. Попробуй-ка их собственная мать заяви такое — он избил бы ее до синяков. Но Анна была матерью его сыновей.

Муар оторвалась от вышивания и с удовольствием осмотрела зал. Таким красивым он никогда не выглядел. Ведь Пегги большую часть времени проводила в своей комнате.

Теперь каменные полы регулярно подметали, тростник еженедельно меняли, дубовые опоры полировали до приятного золотистого блеска, и в них отражались серебряные подсвечники со свечами из чистого пчелиного воска. На больших медных каминных решетках покоились горы огромных дубовых поленьев, готовых жарко запылать с наступлением вечера. На видном месте на стене был укреплен новый гобелен, изображающий святого Брендана на небесно-голубом фоне, ведущего корабль по западным морям. Анна сама задумала сюжет и каждый вечер работала над гобеленом почти всю свою замужнюю жизнь. В нем

12 чувствовалась любовь, потому что вторая леди О'Мал-

ли обожала не только своего грубовато-добродушного мужа, но и своих сыновей, и свой дом.

Глаза Муар задержались на больших цветных фарфоровых вазах, наполненных розами. Их острый пряный аромат наполнял комнату удивительным экзотическим запахом.

Муар улыбнулась и спросила Анну:

— Эти вазы новые?

— Да, — ответила та. — Твой отец привез их из последнего плавания. Он так добр ко мне.

— А почему бы ему не быть к тебе добрым? — отозвалась Муар. — Ты ведь любишь его.

— А где Скай? — перебила их Пегги.

— Катается с юным Домом. Не могу понять, почему твой отец добивался этой помолвки? Они совсем не подходят друг другу.

— Они предназначены друг другу с колыбели, — объяснила Муар. — Папе было непросто найти нам мужей: ни у кого из нас не было большого приданого. Союз Скай с наследником Баллихинесси О'Флахерти — лучший среди всех сестер.

Анна покачала головой:

— Боюсь я этого союза. Ваша сестра — девушка слишком независимая.

— Это папина вина. Он ее так ужасно испортил, — вставила Пегги. — Она должна была выйти замуж еще два года назад, когда ей исполнилось тринадцать. В этом возрасте мы все выходили замуж. Так нет, Скай не захотела. Ей он всегда позволял поступать по-своему.

— Это не так, Пегги, — упрекнула Эйбхлин сестру. — Анна права, утверждая, что Скай и Дом не подходят друг другу. По темпераменту Скай не похожа на нас. У нас — материнский характер, а Скай взяла папин темперамент. Для мужа Скай Дом слишком слаб и недостаточно чувствителен.

— Скажи, пожалуйста, сестра, — едко проговорила Пегги. — Меня поражает, как хорошо наша маленькая монахиня разбирается в человеческой натуре.

— Неплохо, — согласилась Эйбхлин. — К кому, как ты думаешь, Пегги, бедные женщины со всей округи несут свои горести? Уж конечно, не к священнику! Он-то их учит покорности мужьям. И на них же самих налагает епитимью!

Сестры, казалось, были поражены, но Анна, рассмеявшись, разрядила обстановку:

— Ты, падчерица, больше похожа на бунтарку, чем на божью женщину.

Эйбхлин вздохнула:

— Твоя правда, Анна, — промолвила она. — И это меня сильно беспокоит. Но сколько бы я ни старалась, мне не удастся смирить свой дух.

Анна О'Малли потянулась к падчерице и нежно похлопала ее по руке.

— Быть женщиной — всегда непросто, — задумчиво произнесла она. — И неважно, какую роль мы выбрали для себя в жизни.

Девушки улыгнулись друг другу, и в их глазах мелькнули любовь и понимание. Внезапно все насторожились: из холла внизу донеслись громкие крики. Они стали отчетливее, и сестры переглянулись — они различили голоса Дома О'Флахерти и Скай.

Молодая пара шумно ворвалась в зал, и Анна О'Малли вновь поразила их красотой. Может быть, именно поэтому муж и настоял на их союзе.

Дом О'Флахерти бросил перчатки для верховой езды на стол. Это был восемнадцатилетний юноша среднего роста, изящно сложенный, с красивыми руками и стройными ногами. Цвет замечательных коротко постриженных золотистых волос и небесно-голубых глаз он унаследовал от бабушки-француженки. Небольшая бородка, обрамлявшая его точеные скулы, была тщательно ухожена и внизу слегка закруглялась. Он был зол, и на его чистой коже выступили красные пятна. Красивое лицо с тонким прямым носом и небольшим ртом искажил гнев.

— Это просто неприлично! — закричал он Скай. — Неприлично и нескромно для девушки скакать на такой зверюге. Боже, Скай! Что это за лошадь! Когда мы поженимся, я уж прослежу, чтобы твоя лошадь больше подходила для дамы. Как это отец позволял тебе ездить на этой грубой черной скотине!

— Ты проиграл, Дом, — прозвучал выводящий из себя холодный ответ. — Ты проиграл забег. И теперь, как всегда в детстве, пытаешься напустить дыма. Хочешь, я тебе скажу, что ты можешь сделать со своей дамской лошадью?

— Скай! — Голос Анны О'Малли прозвучал предупреждающе и резко.

Скай повернулась к мачехе и рассмеялась.

— Все в порядке, Анна, — успокоила она. — Я постараюсь держать себя в руках. Но... выслушай меня хорошенько, Дом О'Флахерти. Финн — моя лошадь. Я вырастила его из жеребенка и люблю этого коня. И не собираюсь менять на хромоногую лошадь, только чтобы удовлетворить твое мужское самолюбие.

И пока жених кипел от злости, девушка дала знак слуге

14 принести вина. И, как будто запоздало вспомнив, прика-

зала подать и Дому. Он бросился в кресло и сверкал на нее глазами, но взгляд выражал восхищение. Как она прекрасна в темном шелковом костюме для верховой езды! Юбка с разрезом, глубокий вырез обнажал грудь, покрытую каплями пота, их вид возбуждал Дома. Он понял, что жаждет обладать этой обворожительной молодой женщиной.

В пятнадцать лет Скай оправдала ожидания и стала красавицей. Она была одного роста с женихом, так же хорошо сложена, гибка в талии, с чуть округлившимися бедрами. Грудь была небольшой, но полной, лицо — в форме сердечка, а глаза все еще хранили цвет моря у побережья Керри: то кристально-голубые, то темные, то лазурные с едва заметной примесью зеленого. Их обрамляли ресницы, черные, как эбен, на фоне слегка розоватых щек. Нос был тонким, слегка поднимающимся вверх у кончика, алый рот удивительно чувственным с полной нижней губой и мелкими белоснежными зубками, сиявшими, когда девушка смеялась. Приглядевшись, на переносице можно было различить несколько нежных золотистых веснушек. Кожа по цвету напоминала сметану и казалась еще белее на фоне иссиня-черных волос, ниспадающих на плечи.

Она сильно волновала Дома, хотя сам он как будто вовсе ее не интересовал. Девушка предпочитала скакать с бешеной скоростью на своем огромном жеребце по окрестным полям или пускаться в плавание с отцом во время его очередного пиратского предприятия. Дом это понимал, отчего сильно страдало его мужское самолюбие.

Юноша не привык к пренебрежению со стороны слабого пола: обычно женщины сходили по нему с ума, и он гордился своими мужскими достоинствами.

Он утешал себя мыслью, что, уложив в постель Скай, сумеет ее укротить. Девственницы с горячим темпераментом обычно оказывались страстными любовницами. В предвкушении он облизнул свои тонкие губы и отхлебнул из бокала вина. Дом и не подозревал, что в этот миг невеста смотрела на него с отвращением. Жених, решила Скай, к тридцати годам ужасно растолстеет.

Кто-то прибыл, и снизу снова послышался шум. Анна О'Малли с улыбкой поднялась.

— Ваш отец приехал, — сообщила она. — И, похоже, привез с собой гостей.

Два волкодава, несколько сеттеров и огромный терьер ворвались в зал. Один из волкодавов протрусил к Анне и положил у ее ног два бархатных мешочка. Наклонившись, леди